

В. В. ВИНОГРАДОВ

НЕКОТОРЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(На материале русского языка)

I

Слова и словосочетания — по грамматическим правилам и законам, свойственным данному языку, — соединяются в предложения. Конкретное содержание предложений не может быть предметом грамматического рассмотрения. Грамматика изучает лишь структуру предложения, типические формы предложений, присущие тому или иному общенародному языку в его историческом развитии.

Построение предложения — один из самых важных, самых существенных элементов грамматического строя языка. Грамматические формы предложения и его членов специфичны для отдельного языка или группы родственных языков. Изучая законы построения речи, в которой реализуется и выражается мысль, грамматика обычно кладет учение о предложении в основу синтаксиса. В истории предложения и связанных с ним грамматических категорий ярко сказываются основные внутренние законы развития того или иного конкретного языка. При общей устойчивости грамматического строя любого языка предложение, способы его построения и его господствующие формы являются наиболее устойчивыми элементами структуры языка. Они сохраняются, в основном, в течение ряда эпох.

Предложение — это грамматически оформленная по законам данного языка целостная (т. е. неделимая далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. Язык как орудие общения и обмена мыслями между всеми членами общества пользуется предложением как основной формой общения. Правила употребления слов в функции предложений и правила соединения слов и словосочетаний в предложения — ядро синтаксиса того или иного языка. На основе этих правил устанавливаются разные виды или типы предложений, свойственные данному конкретному языку. В предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего.

Каждое предложение с грамматической точки зрения представляет собой внутреннее единство словесно выраженных его членов, порядка их расположения и интонации.

Предложение как главная грамматическая форма выражения и сообщения мысли в процессе общения сначала послужило основой для логического анализа суждения как формы мышления. Поэтому уже в античной грамматике теория предложения и теория суждения переплетались, а иногда и прямо смешивались. Это смешение отчасти выражалось и в том,

что термин «предложение» (*propositio, proposition, ср. нем. Satz*), например, в русском языке долгое время служил для обозначения как суждения, так и формы его словесного выражения. На почве такого смещения, на основе античной теории предложения-суждения и была создана в XVII—XVIII вв. универсальная схема предложения и его членов, которая долгое время применялась для анализа предложений всех языков мира. В каждом предложении (нередко — даже в безличном или бессубъектном), в отвлечении от его грамматической структуры, отыскивались путем чисто смысловых, логических соображений субъект (подлежащее), т. е. то, о чем идет речь, и предикат (сказуемое), т. е. то, что говорится о предмете речи, а затем объект или объекты (дополнение) — названия других предметов, кроме подлежащего, и атрибуты (определения). Из атрибутивных (определятельных) и отчасти объектных слов позднее стали выделять обстоятельства как члены предложения, обозначающие время, место, условие, цель, причину, образ и способ действия, а иногда также противоречащие или противодействующие факторы (обстоятельства уступки). Традиционная школьная теория предложения окончательно сложилась на основе логических учений о суждении в XVIII в.¹

Логическое направление на Западе, опиравшееся на идеалистическую философию Канта и Гегеля и особенно тесно связанное с именем Беккера, пришло к полному отождествлению грамматических и логических категорий. Ф. Беккер развивал антиисторическое и космополитическое учение о едином для всех языков пути идеального развития строя предложения, подменяя внутренние законы развития языка законами и формами логики. По мнению Беккера, в языке логическая форма понятия и суждения (мысли) слита с грамматической формой. В связи с этим синтаксические отношения внутри предложения, которые Беккером отождествляются с логическими понятиями субъекта, предиката, атрибута и объекта, рассматривались им как метафизические «всевременные» категории и формы мышления «самополагающего духа».

Еще в начале XIX в. Бернгарди высказал мысль, что простое предложение так относится к периоду (к сложному предложению), как слово к простому предложению². Эту мысль развил Герлинг, который различал среди частей сложного предложения (так называемых придаточных предложений) предложения существительные, прилагательные и наречия³. Эта классификация была затем усложнена и видоизменена путем приравнения разных видов придаточных предложений к членам простого предложения. Так складываются параллельные теории простого предложения и его членов и сложного предложения, в котором от главного предложения зависят придаточные, выполняющие те же функции, что и члены простого предложения (функцию подлежащего, сказуемого, дополнения, определения и обстоятельства).

В нашей отечественной грамматике основы теории предложения, развиваемой в логико-грамматическом (и стилистическом) плане, были заложены М. В. Ломоносовым и углублены его учеником проф. А. А. Барсовым. Затем свой вклад в развитие учения о предложении внесли А. Х. Востоков, выдвинувший идею простого глагольного и составного глагольно-именного сказуемого, и особенно А. А. Потебня и А. А. Шах-

¹ См. историю развития учения о предложении у Б. Дельбрюка [B. Delbrück, *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, Teil 3 (K. Brugmann und B. Delbrück, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Bd. V), Strassburg, 1900, стр. 406 и сл.] и у М. Н. Петерсона («Очерк синтаксиса русского языка», М.—Пр., 1923, стр. 28—29).

² См. A. F. Bernhardi, *Anfangsgründe der Sprachwissenschaft*, Berlin, 1805.

³ См. S. H. A. Herling, *Ueber die Topik der deutschen Sprache*, Frankfurt, 1821

матов, разработавшие свои оригинальные теории предложения, законов его изменений в русском языке и определившие разнообразие типов простых предложений.

При господстве антиисторического логического подхода к анализу предложения задача синтаксиса простого предложения сводилась к тому, чтобы в любом предложении любого грамматического построения и любого языка отыскать подлежащее и сказуемое (главные члены предложения), а в случае распространенности предложения — также его второстепенные члены: дополнение, определение и обстоятельство. При этом характерные признаки отдельных типов предложения, своеобразие их структуры в том или ином общенародном, национальном языке, исторические изменения в составе предложения, особенности в формах и способах выражения отдельных членов, свойственные отдельным языкам и группам языков, — все это или совсем игнорировалось, или отходило на задний план. За норму и образец принимался идеальный «полный» тип предложения, наиболее близко подходящий по своему строю к схеме суждения (субъект, связка, предикат). Все «отклонения» от этого типа объяснялись «сокращениями» и «опущениями». Широко и необоснованно применялся принцип «подразумевания» недостающих до нормы и будто бы опущенных звеньев (или элементов), независимо от всякого обращения к контексту и ситуации. Даже в каждой реплике диалогической речи восстанавливались «опущенные» члены предложения. Например, в отрывке из «Пиковой дамы» Пушкина: « — Случай! — сказал один из гостей. — Сказка! — заметил Германн» — восклицательные предложения *Случай!* и *Сказка!* должны были «разбираться» так: *это* (подлежащее) *был* (связка) *случай* (сказуемое); по такой же схеме осмыслился грамматический состав и предложения: *Сказка!* Таким образом, мысль отрывалась от слов, предполагалось наличие мыслей без слов. Предложение выступало как суждение в речи; предполагаемое тождество предложения с суждением не колебалось даже от признания второстепенных членов предложения, которых не знает и не изучает логика. Все модальные (например, вопросительные, побудительные) и все эмоциональные типы предложений приводились к одному знаменателю предложения-суждения.

Даже после выхода в свет труда А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике»⁴ проф. И. А. Бодуэн де Куртене, рецензируя работы К. Апеля по польскому языку, вынужден был признать: «... до сих пор никто еще не пробовал делать синтаксические исследования без схоластической подкладки, состоящей в смешении грамматики с логикой и в навязывании языку того, что в нем не в состоянии открыть даже самый строгий анализ и что, стало-быть, в нем вовсе не полагается»⁵. Отголоски смешения предложения с суждением, грамматического подлежащего и сказуемого с логическим субъектом и предикатом долгое время продолжали жить в русской грамматике, особенно школьной.

Однако уже с 70—80-х годов XIX в. у нас начинается интенсивная языковедческая работа, направленная на определение специфических качеств предложения и его конкретных синтаксических форм, свойственных грамматическому строю русского языка в его историческом развитии. Господствовавшие тогда в буржуазной науке идеалистические теории соотношения языка и мышления приводили некоторых наших языковедов к идее о необходимости полного отрыва грамматики от логики, учения о предложении от теории суждения. А. А. Потебня, стремясь к свободным от логистического

⁴ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, 1874: т. I — Воронеж; т. II — Харьков.

⁵ Журн. «Филологические записки», Воронеж, 1880, вып. V, стр. 8—9 четвертой публикации.

априоризма, чисто грамматическим, как он полагал, исследованиям народного русского языка, полемически заявлял, что грамматика не ближе к логике, чем какая-нибудь другая наука.

В этом отношении А. А. Потебня разделял предрассудки современного ему идеалистического психологического направления в языкознании, отрицавшего самую возможность постановки вопроса о соотношении грамматики и логики, грамматических и логических категорий. «Языковые и логические категории, — писал в то время Штейнталь, — являются несовместимыми понятиями, которые соотносятся друг с другом, как понятия *круга и красного...*»⁶. Впрочем, отрицание всякой связи грамматики с логикой не помешало А. А. Потебне учитывать взаимодействие и связь грамматических категорий и категорий мышления, хотя бы и в идеалистическом аспекте. Ценность работы А. А. Потебни в области изучения исторического синтаксиса русского языка заключается в том, что, считая тип глагольного предложения с именительным падежом существительного, обозначающего субъект действия, для русского языка (так же, как и для других славянских и — шире — индоевропейских языков) основным и центральным, А. А. Потебня указал на взаимодействие этого глагольного типа предложения с именным (*NN княжил в Киеве* и *NN был князь* или *князем в Киеве*) и нарисовал общую картину изменений составного связочно-именного сказуемого.

В строе предложения, если подравнивать его со строем суждения, естественно, выделяются два члена: подлежащее, в котором ищут и часто находят соответствие субъекту суждения, и сказуемое, которое рассматривается как выражение предиката. Вместе с тем уже давно обратило на себя внимание то, что в русском языке, как и в других языках, принадлежащих к индоевропейской семье, конструктивно господствующий тип предложения сводится к схеме: форма именительного падежа имени существительного (или предметно-личного местоимения) и личная форма глагола (*verbum finitum*). Например: *Весна наступает, Мальчик бежит, Птица летит, Деревья зеленеют, Трава растет, Уста жуют, Вода кипит, Ты ошибаешься, Я учусь* и т. п. Как доказал А. А. Потебня, с возникновением категории связи или «вспомогательного глагола» под несомненное воздействие этого глагольного типа подпал и тип именного предложения: *Орел — хищник, Соловей, — певчая птица, Владимир был князь киевский* и т. п. На почве наблюдений над этим типом и сложилось учение об именном предложении с простым и составным именным сказуемым.

Факт исторического многообразия грамматических форм выражения сказуемого в русском языке был использован А. А. Потебней в его труде «Из записок по русской грамматике» (I—II) как доказательство антиисторичности логической унификации схем предложения и суждения. После работ А. А. Потебни стало ясно, что наивный, прямой перенос на предложение основных конструктивных признаков суждения неправилен. Такое смещение ведет к логической унификации всех типов предложения, мешает увидеть в предложении его национально-языковую специфику, его жизненные экспрессивные, субъективно-речевые краски и грамматические своеобразия.

Утверждение, будто непосредственным назначением всякого предложения является выражение суждения, неверно. Для логики даже в глагольном типе номинативного предложения не существенны основные грамматические категории времени, лица и наклонения, определяющие структуру предложения. Логика сводит к нескольким обобщенным общечеловеческим

⁶ H. Steinthal, Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Principien und ihr Verhältniss zu einander, Berlin, 1855, стр. 221—222.

схемам все живое многообразие типов предложения, резко отличающихся друг от друга в разных языках мира. Грамматика же рассматривает формы синтаксического выражения мысли, чувства и воли во всех особенностях их конкретного речевого строения, типичных для грамматического строя отдельных языков и их групп, семей, и предложение как предмет грамматического изучения обладает значительно большим количеством специфически выраженных народно-языковых признаков, чем общечеловеческая форма логического суждения. Анализ основных грамматических категорий, обнаруживающихся в строе предложения и определяющих его, например, категорий времени, модальности, предикативного сочетания слов и т. д., показывает специфику предложения, его коренные отличия от суждения, несмотря на тесную связь с ним. Суждение не может существовать вне предложения, которое является формой его образования и выражения. Но если суждение выражается в предложении, то это еще не значит, что назначение всякого предложения — выражать только суждение.

Тип предложения не остается неподвижным. Он может иметь разные варианты, которые возникают на основе видоизменения и последующего абстрагирования тех или иных составных частей предложения, на основе обогащения и совершенствования его структуры. Так, исторически сложившаяся структура именного двусоставного (или двучленного) предложения прежде всего варьируется в зависимости от состава сказуемого, которое может быть выражено разными именными категориями (существительным, прилагательным, числительным, местоимением) или наречием именного типа и включать в себя связку, полусузнаменательный или полусподомогательный глагол. Например: «Космополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже нуля» (Тургенев, Рудин); «Все это сваливалось в кладовые и все становилось гниль и прореха» (Гоголь, Мертвые души); «Богатырь ты будешь с виду И казак душой» (Лермонтов, Кавказская пленница); «Она слыла чудачкой» (Тургенев, Дворянское гнездо). Те разновидности именных предложений, которые содержат в своем составе так называемые полусузнаменательные глаголы типа *оставаться* — *остаться*, *считаться*, *казаться*, *показаться*, *оказаться*, *называться* и т. п., приближаются к глагольному типу предложения, являются глагольно-именными.

Еще более ярко выражен составной — именной и в то же время глагольный характер в предложениях со сложным сказуемым, куда входят в сочетании с именем существительным или прилагательным глаголы движения или состояния (типа *прийти*, *вернуться*, *ходить*; *работать*, *жить*, *сидеть*, *лежать* и т. п.). Например: «Никто не родится героем, Солдаты мукают в бою» (Ошанин, Солдаты мукают в бою).

С именем А. А. Потебни связана идея исторической изменчивости языковой формы предложения, идея развития типов предложения. А. А. Потебня, не имевший, как и все наши языковеды домарксистской эпохи, ясного представления о темпе и характере грамматических изменений, заявлял даже, что история языка должна дать ряд определенных предложений, действительных для разных периодов развития языка⁷. Но, несмотря на свою борьбу со смешением грамматики с логикой, А. А. Потебня был убежден, что расчлененное грамматическое предложение, так же как и суждение, по природе своей двучленно или двусоставно⁸. Именно с этой дву-

⁷ См. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, 2-е изд., Харьков, 1888, стр. 76—78.

⁸ В этом вопросе с А. А. Потебней резко расходился его рано умерший талантливый ученик А. В. Попов, автор «Синтаксических исследований» (Воронеж, 1881), который доказывал одночленность (и однословность) первичного предложения в индо-европейских языках.

членностью или двусоставностью предложения (подлежащее — сказуемое) легко связывался признак наличия предикативных отношений между подлежащим и сказуемым⁹, как основной структурный признак предложения.

Логическое суждение двучленно, если связку рассматривать как отношение между субъектом и предикатом. Поэтому мнение о неизбежной двучленности (или двусоставности) всякого предложения приобрело широкую популярность. Об этом так писал известный теоретик по вопросам синтаксиса Пон Рис, который сам уже испытывал недоверие к этому распространенному, хотя и не всеми разделяемому мнению: «Я считаю, что утверждение, будто двучленность (*Zweigliedrigkeit*) является необходимым моментом всех предложений, утверждение, которое выдвигалось с большой определенностью и горячо защищалось, оказывается несостоятельным при ближайшем рассмотрении»¹⁰. Вместе с тем И. Рис все же был склонен думать, что признак двусоставности, двучленности должен считаться типическим признаком предложения вообще. Он писал: «С другой стороны, одночленные предложения находятся все же в таком меньшинстве, что они производят впечатление скорее редких исключений. Это обстоятельство, опосредствованным образом, приобретает огромное значение для вопроса о грамматической форме предложения: двучленность, сама по себе не необходимая для предложения, в качестве фактического свойства почти всех предложений, благодаря своему мощному численному превосходству, становится отличительным формальным признаком предложения вообще, даже должна была стать таким признаком»¹¹. Эта точка зрения остается широко распространенной до сих пор. Она оказывает большое влияние на грамматический анализ одночленных (односоставных) предложений, т. е. таких предложений, в которых не может быть непосредственно обнаружено двух главных членов предложения — подлежащего и сказуемого.

В силу приравнивания всех видов предложений к основному двучленному (двусоставному) типу у нас очень долго не были предметом анализа конкретно-языковые формы и типы одночленных (односоставных) предложений. Правда, А. А. Потебня и его ученики испытывали большой интерес к безличным (или бессубъектным) предложениям вроде: *Светает, Морозит, Молнией убило человека* и т. п., т. е. к глагольным типам одночленных предложений. Однако вопрос об одночленном именном предложении был решительно выдвинут лишь в 80—90-х годах XIX в. проф. А. В. Добиашем¹². Он сопоставлял предложения типа *Мороз, Морозит и Морозно*, видя в них констатирование или обозначение явлений действительного мира. Но А. В. Добиаш не ставил перед собой задачи исчерпывающего описания всех видов одночленных или односоставных предложений. Эта задача была впервые в русском языкознании поставлена и отчасти разрешена акад. А. А. Шахматовым в его «Синтаксисе русского языка».

А. А. Шахматов собрал многочисленные и разнообразные факты из произведений народной словесности, русской литературы XIX и XX в., а также из древнерусской письменности, иллюстрирующие употребление разных видов односоставных или одночленных предложений в русском языке, и сопоставил их с однородными явлениями в других индоевропей-

⁹ В индоевропейских языках — между формой именительного падежа существительного или местоимения и глаголом (или связкой) с примыкающими к нему именными формами.

¹⁰ J. Ries, Was ist ein Satz? (Beiträge zur Grundlegung der Syntax, Heft III), Praga, 1931, стр. 70.

¹¹ Там же, стр. 103.

¹² См. А. Добиаш, Опыт симасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка, Прага, 1897.

ских языках. Но, исходя из психологической и в основе своей идеалистической теории двучленной «коммуникации» как формы мышления, лежащей в основе предложения, А. А. Шахматов не мог дать ни удовлетворительной классификации односоставных предложений, ни точного описания их грамматической структуры. Он колебался между морфологическим (по морфологической природе главного члена) и логико-синтаксическим подходом к определению и разграничению разных видов односоставных предложений. В конце концов, А. А. Шахматов решил рассматривать их структуру по аналогии со строем двусоставных предложений. Правда, он пришел к выводу, что было бы заблуждением искать в каждом одночленном предложении два соотносительные и взаимосвязанные главные члены двусоставного предложения — подлежащее и сказуемое. Односоставное предложение — это, по определению Шахматова, такое предложение, в котором сочетание субъекта и предиката психологической коммуникации (или суждения) находит себе соответствие в одном члене предложения (выраженном большей частью одним словом), например: *Морозило, Тишина, Глухость! Яблок-то, яблок!* и т. д.

Следовательно, по А. А. Шахматову, в односоставном предложении нет соотносительных подлежащего и сказуемого, здесь налицо лишь один «главный член». «Член предложения, соответствующий по своему значению сочетанию субъекта с предикатом, — писал А. А. Шахматов, — мы назовем главным членом. Главным членом односоставного предложения; в односоставных предложениях таким образом не нашло себе словесного выражения то расчленение, которое с несомненностью обнаруживается в самой коммуникации...»¹³. И все же А. А. Шахматов склонялся, правда, с очень существенными оговорками, к уподоблению главного члена односоставного предложения то подлежащему, то сказуемому двусоставного предложения и положил соответствующий критерий в основу разграничения и классификации типов односоставных предложений. Главный член односоставного предложения, по мнению А. А. Шахматова, может быть отождествлен формально или с подлежащим, или со сказуемым двусоставного предложения, причем, конечно, «... не следует забывать, что такое „сказуемое“ отличается от сказуемого двусоставного предложения тем, что вызывает представление и о предикате, и о субъекте, между тем как сказуемое двусоставного предложения соответствует только предикату, а также, что „подлежащее“ односоставного предложения вызывает представление и о субъекте, и о предикате, между тем как подлежащее двусоставных предложений соответствует только субъекту»¹⁴. Непоследовательность А. А. Шахматова в описании односоставных предложений очевидна.

Разграничение двух основных типов предложения — двусоставных и односоставных — прочно вошло в научный синтаксис русского языка. Конкретное предложение может иметь в основе своего построения и одно единственное понятие или представление, грамматически соотнесенное с действительностью. Психологическая или логическая заплата тезиса о необходимости двучленности (или двусоставности) всякого предложения всегда основывалась на отрыве от конкретно-исторического языкового материала и почти всегда опиралась на идеалистические предпосылки о тождестве или параллелизме речевых и мыслительных процессов и на отрицание отражения в речи объективной действительности.

Вопрос о формах и типах грамматического построения односоставных предложений нуждается в дальнейшем углубленном исследовании. В высшей степени важно уяснить специфические особенности их структуры со-

¹³ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., Учпедгиз, 1941, стр. 30.

¹⁴ Там же, стр. 50.

относительно с основными типами двусоставных предложений. Само собой разумеется, что было бы нецелесообразно стремиться к отысканию «подлежащих» и «сказуемых» или каких-нибудь их «эквивалентов» во всех типах односоставных предложений. Однако в некоторых формах их можно найти морфологические соответствия одному из главных членов двусоставного (двучленного) предложения. Например, предложение *Градом побило розь* находится в синонимической грамматической связи с двусоставным предложением *Град побил розь*. Поэтому *побило* воспринимается как выраженное безличной формой глагола сказуемое односоставного предложения. Морфологическая категория безличности, свойственная глаголу, как бы санкционирует особую синтаксическую форму сказуемого, не соотносительного с подлежащим. Неопределенно-личные предложения (*Госвоят, Прсят не курить* и т. п.) и предложения обобщенно-личные (*Любишь кататься — люби и саночки возить*) также функционально-синтаксически (при наличии своеобразных семантических и стилистических оттенков) мало отличаются от двусоставных конкретно-личных глагольных предложений (ср. *Сижу и думаю — Я сижу и думаю; Ты видишь свои ошибки — Видишь свои ошибки* и т. п.). В неопределенно-личных предложениях форма 3-го лица множественного числа глагола обозначает личное действие, осуществляемое неопределенным количеством, неопределенным множеством лиц; в обобщенно-личных предложениях форма 2-го лица выражает действие, связываемое с собирательным лицом, с любым человеком вообще.

В «Курсе современного украинского литературного языка», изданном Академией наук Украинской ССР, есть ценное замечание о тенденциях развития безличных предложений в украинском языке, вполне применимое и к русскому языку. «Присмотревшись внимательно к фактам, — читаем здесь, — легко установить, что развиваются те типы безличного предложения, которые легче воспринимаются на фоне личной конструкции как ее особый вариант или как известное отклонение от нее в случаях неизвестности, обобщенности или второстепенного значения действующего лица. Такое наблюдение дает возможность говорить о том, что в языке господствует как стандартный тип предложения — предложение двусоставное. Это вовсе не исключает возможности увеличения безличности предложения. Это говорит только о том, что для современного языкового сознания безличные предложения являются особой, семантически и стилистически обусловленной (мотивированной) разновидностью выявления двусоставного в своей основе акта мышления»¹⁵.

В настоящее время главная задача синтаксиса русского языка в области изучения предложения до некоторой степени предопределена историей развития нашей отечественной грамматики. Эта задача состоит в том, чтобы изучить все конкретно-языковые формы или структурные особенности основных разновидностей двусоставных (или двучленных) и односоставных (или одночленных) предложений в современном русском языке и выяснить последовательность, пути и закономерности их исторического развития.

Общая теория синтаксиса, построенного на основе марксистского учения о языке, не отбрасывает проблемы связи логических и синтаксических, шире — вообще грамматических категорий. Последовательное применение марксистского положения о неразрывном единстве языка и мышления позволяет обосновать и подтвердить фактами языка связь логических и синтаксических категорий и в то же время обнаружить их действитель-

¹⁵ «Курс современного украинского литературного языка», под ред. Л. А. Булаховского, т. II, Синтаксис, Киев, «Рад. школа», 1951, стр. 52 (на укр. яз.).

ные различия, обусловленные спецификой внутренних законов развития языка. Однако грамматика как наука, абстрагирующая свои закономерности от конкретного народно-языкового материала на широкой исторической основе, не может и не должна смешиваться с логикой. В отличие от формальной логики как науки о законах правильного мышления, грамматика, опираясь на материалистическую диалектику, изучает исторические законы построения той или иной конкретной народной речи, в которой реализуется мысль. Следовательно, и синтаксис как часть грамматики имеет свои объекты исследования — словосочетание и предложение, свой научный метод и решает свои специфические задачи, в том числе и свои задачи изучения предложений.

Этот вывод не оспаривается и в современных советских исследованиях по логике. Общеизвестно, что структура предложения бывает качественно различна в языках разных народов, разных наций (ср., например, предложение номинативного типа в индоевропейских языках и предложение эргативного типа в так называемых «иберийско-кавказских» языках). Между тем, субъектно-предикатная структура простого суждения имеет общечеловеческий характер. Она не зависит ни от исторических, ни от национальных различий. Но субъект и предикат суждения в предложениях разных языков выражаются по-разному. Выработанные в языке грамматические формы членов предложения не сливаются и не совпадают с логическими членами суждения. Так, специалисты по иберийско-кавказским языкам доказывают, что в грузинском и в некоторых других кавказских языках в качестве главных членов предложения выступают не только подлежащее и сказуемое, но — при определенной (эргативной) конструкции предложения — и «прямое дополнение», которого логика в составе суждения не различает. Логическое суждение реализуется в предложении разнообразными языковыми средствами.

Вместе с тем сами логики не могут прийти к определенному выводу о том, все ли типы предложений служат выражением суждения. Одни полагают, что вопросительные и побудительные предложения вообще не выражают суждения, другие готовы утверждать, что все типы предложений заключают в себе суждение, третьи ищут и находят в вопросительном и побудительном предложениях «аналоги суждений», четвертые склонны рассматривать вопросительные предложения как выражение суждения с свернутым (имплицитным) или неопределенным предикатом, но отказываются видеть непосредственное выражение суждения в побудительных предложениях и т. п. Некоторые логики указывают, что побуждение и мысль-вопрос имеют ряд черт, общих с суждением¹⁶. Эти черты сходства выражаются в следующем: 1) и вопрос, и побуждение, подобно суждению, выражаются в предложении; 2) всякое побуждение и всякий вопрос, как и суждение, имеют предметный характер: подобно тому, как мы можем судить только о чем-либо, точно так же и повеление мы всегда высказываем в отношении кого-нибудь или чего-нибудь, и во всяком вопросе указывается предмет, о котором нечто спрашивается; 3) и вопрос, и побуждение могут быть правильными и неправильными (так же, как и суждение). Различие же между суждением и побуждением, а также вопросом выражается в том, что ни побуждение, ни вопрос непосредственно не утверждают (и не отрицают) что-нибудь о чем-нибудь; побуждение, хотя и подразумевает суждение, является особой разновидностью мысли, так как оно содержит лишь приказ или призыв к действию, а в вопросе лишь спрашивается о чем-нибудь, причем сама постановка вопроса

¹⁶ См. П. В. Таванед, *Суждение и его виды*, М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 26—29; ср. его же, *К вопросу о классификации суждений в истории логики*, «Философские записки», т. VI, М., 1953, стр. 38—70.

может быть правильной или неправильной. Следовательно, приходится признать существование таких предложений, назначением которых является не выражение суждения, а выражение вопроса и побуждения как особых разновидностей мысли.

Логика, изучающая формы и законы общечеловеческого мышления, не интересуется ни эмоциональной и волевой стороной сознания, ни формами словесного выражения эмоций и волевых побуждений. Вместе с тем понятно, что выражение эмоций в языке не может не быть осознанным. Степень мыслительного, понятийного содержания в таком словесно-эмоциональном выражении отчасти определяется характером и степенью его грамматической расчлененности. Причина разногласий по вопросу об отношении предложения и суждения кроется отчасти в спорности и недостаточной исследованности соответствующих проблем у логиков и философов; но несомненно также, что отсутствие глубоких и детальных грамматических описаний всех разновидностей предложений, служащих в современных живых языках для выражения не только суждений, но и волевых побуждений и эмоций, не помогает устранению путаницы в этом вопросе.

II

Изучая правила составления предложений, синтаксис прежде всего должен выяснить, как слова и словосочетания, объединяясь в структуре предложения в качестве его членов, образуют предложение — эту основную синтаксическую единицу языкового общения — и в чем заключаются характерные конструктивно-грамматические признаки предложения. В нашей отечественной грамматической науке выдвинуты два общих характерных признака предложения в русском языке, хотя взаимоотношение и взаимодействие этих признаков до настоящего времени остаются не вполне определенными. Это — интонация сообщения и предикативность, т. е. отнесенность высказываемого содержания к реальной действительности, проявляющаяся в совокупности таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как основной и вместе с тем первичной грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль. Наличие обоих этих признаков для предложения обязательно; поэтому к предложениям не относятся номинативные заглавия, вывески и т. п.

Обычно говорят, что слова и словосочетания, соединенные в предложении большей частью посредством тех же приемов согласования, управления и примыкания, которые характерны для связей слов внутри словосочетания, без соответствующей организации их интонационными средствами еще не представляют собой сообщения. Интонационными средствами устанавливается, обуславливается коммуникативное значение слов в предложении, определяется членение предложения и осуществляется его внутреннее единство. Благодаря интонации не только соединения слов, но и отдельные слова могут приобрести значение предложений. Акад. А. А. Шахматов так писал об этом в своем «Синтаксисе русского языка»: «...условием для перехода отдельных слова и словосочетания в предложение является законченность мысли и законченность соответствующего словесного выражения; законченность мысли предполагает наличие в таком словосочетании сочетавшихся предикативно субъекта и предиката, а законченность словесного выражения требует особой объединяющей члены словосочетания в одно целое интонации»¹⁷. Можно сомневаться в том, что в каждом

¹⁷ А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 37.

предложении, даже в разговорном предложении резко эмоционального, грамматически нерасчлененного характера вроде: *Ну и ну! То-то! Ваня! Ейце бы! Вот тебе на! Ай, ай, ай!* и т. п. выражается предикативное сочетание субъекта и предиката, но нельзя сомневаться в том, что этим выражениям или высказываниям присуща интонация сообщения. Интонация сообщения, таким образом, является грамматическим средством оформления предложения и выступает в качестве одного из постоянных характерных признаков предложения. Именно в этом признаке заключается одно из коренных отличий предложения от словосочетания.

Различием интонаций в значительной степени определяются основные функциональные и вместе с тем модальные типы предложений — предложения повествовательные, вопросительные и побудительные. «Что бы мы ни сказали, — писал в своем «Русском синтаксисе» проф. А. М. Пешковский, сделавший много интересных наблюдений в области русской ритмо-мелодики, — мы высказываем это либо повествовательно, либо вопросительно, либо восклицательно (включая в эту последнюю характеристику и интонацию побудительности. — В. В.). Как ни важна для нас разница между этими тремя видами речи, она все-таки не материальна, а формальна. Скажем ли мы *он здесь*, или *он здесь?* или *он здесь!* — материал нашей мысли остается один и тот же: представление о „нем“ и о месте, где „он“ находится. Меняется только отношение наше к данной мысли: в одном случае мы просто желаем поделиться со слушателем найденной нами реальной связью или отсутствием ее (при отрицании) между двумя представлениями, образующими в данном случае мысль, в другом случае мы не решаемся сами признать реальность или нереальность связи и ждем разъяснения в этом отношении от собеседника, в третьем — мы не только полностью убеждены в реальности или нереальности связи, но и выражаем наши чувства, внушенные нам этой связью. Все эти различия — грамматические, и выражаются они в русском языке почти исключительно интонацией...»¹⁸

Главными интонационными средствами, выполняющими основные функции в организации предложения, являются ударение и мелодика. Будучи существенным, неотъемлемым признаком предложения, интонация, однако, не исчерпывает и не определяет грамматической сущности предложения и своими вариациями не обуславливает и не создает всего многообразия видов предложений в русском языке. Ведь если даже признать, что интонация является самым непосредственным, единственным безусловно необходимым способом выражения законченности мысли, а следовательно, и самым главным признаком «единицы языкового общения» (т. е. предложения), то все же нельзя обойтись без ответа на вопрос: все ли слова и формы слов, все ли словосочетания и их формы могут непосредственно с помощью соответствующей интонации становиться «единицами речевого общения» (т. е. предложениями или «фразами», как выражаются лингвисты), или же необходимы какие-нибудь дополнительные способы формально-грамматической организации речевого целого, быть может, даже разные в разных условиях и контекстах.

Интонация сама по себе, т. е. вне словесного содержания, вне отношения речи к действительности, расчлененной, законченной, логически построенной мысли не выражает. Интонация не является средством формирования и наполнения мысли, без слов она может быть выразительной, но не является содержательной, т. е. не служит материальной оболочкой мысли. Об интонации сообщения можно сказать, что она является лишь формой выра-

¹⁸ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., Учгедгиз, 1938, стр. 69—70.

жения более или менее замкнутой единицы речи (предложения). Однако интонация вовсе не является формой грамматического построения предложения. Правда, интонация может служить средством превращения слова и словосочетания в предложение, может выполнять предикативную функцию, но интонация не свойственно предметно-смысловое содержание. Часто она прямо причисляется к средствам субъективного выражения¹⁹. Но при этом необходимо помнить, что это средство субъективного речевого выражения общественно организовано и общественно осознано. Вместе с тем в таких формах общения, как письменная речь, интонация нередко отступает на второй план.

Вот почему авторы наших грамматик, особенно те, которые осознали неправомочность и ошибочность как смешения предложения с суждением, так и полного отрыва предложения от суждения, старались установить структурные, словесно-строковые, формально-грамматические признаки предложения в русском языке (так же, как и в других языках) и выделить грамматические категории, типичные для словесно организованного, синтаксически оформленного предложения. Сначала в качестве такого структурного формально-грамматического признака предложения выдвигалась личная форма глагола (*verbum finitum*), т. е. в основу определения предложения была положена морфологическая категория глагола, и тем самым как бы ставился знак равенства между глаголом и сказуемым. Значительная часть современных синтаксических теорий в области изучения русского языка и теперь продолжает ставить общее определение структуры предложения в зависимость от наличия (реального или потенциального) глагольных форм, имеющих значения лица, времени и наклонения; эти формы и получают название предикативных форм глагола или форм сказуемости. Таким образом, понимание глагола как организатора предложения объясняется не только преобладанием, особенной употребительностью глагольных типов предложения, но и тем, что в личных формах глагола непосредственно, наглядно, морфологически выражены те грамматические категории лица, времени и модальности, с которыми связано понятие синтаксической предикативности как существенного признака предложения.

Однако при этом чисто морфологическом подходе синтаксическое учение о предложении в целом получает односторонний и искаженный характер: оно не отражает всего многообразия структурно-грамматических форм предложения в русском языке. Вообще при построении теории предложения «морфологизм» в чистом виде не может привести к пониманию всего разнообразия структурных типов предложений. Дело в том, что со структурой предложения связаны свои особые синтаксические категории, базирующиеся на морфологических категориях, но далеко выходящие за их пределы: категории времени и модальности, а также — в широком синтаксическом понимании — и категории лица, т. е. те категории, которые выражают отношение сообщения к действительности и подводятся под общее понятие «предикативности»; эти категории могут быть свойственны предложению в целом — независимо от наличия в его составе глагола. Так, безглагольные односоставные предложения, содержащие лишь одно единственное понятие или представление, соответствующим образом соотношенное с действительностью (например: *Мороз, Тише! Внимание* и т. п.), представляют собой единицы речевого общения,

¹⁹ Ср. в структуральном синтаксисе проф. А. В. де Гроота: *stratum of expression* [см. реп. А. Martinet «A. W. de Groot, Structural Linguistics and Phonetic Laws (Archives néerlandaises de philologie expérimentale, Tome XVII. 2-me livraison, Amsterdam, 1941, pp. 71—106)», «Lingua», vol. II, 1, Haarlem, 1949, стр. 74—77].

грамматически организованные на основе тех же категорий модальности и времени.

Среди одночленных (или односоставных) предложений в русском языке есть предложения, функция которых сводится к простому утверждению или отрицанию, выражению согласия или несогласия или к общей экспрессивно-модальной оценке предшествующего высказывания. Это — предложения, основу которых составляют утвердительные или отрицательные слова *да* и *нет*, модально окрашенные слова и частицы (типа: *разве? едва ли! может быть! конечно! вероятно!* и т. п.), междометия и слова, близкие к междометиям. Внутренняя сущность модальной функции таких слов, как *да*, *нет*, *несомненно* и т. п., ярко сказывается в том, что иногда в диалогической речи они становятся своеобразными заместителями глагольного сказуемого с присущими ему значениями времени, лица и наклонения, например: *А в прошлом году вы имели отпуск?* — *В прошлом году да*; *А с мамой ты согласна остаться?* — *С мамой да, а с Петькой нет*. Вместе с тем слово *да* может входить в состав сложного предложения в качестве одной из его основных составных частей: — *Ветерок в аллее?* — *Да, потому что листья дрожат*; — *А вы ему должны, что ли?* — *Вот в том-то и беда моя, что да*.

Предложения типа *да*, *нет*, *конечно* и т. п., нередко очень экспрессивные, выражают модальную квалификацию сообщения и иногда содержат побуждение к какому-нибудь действию, следовательно, они также выражают синтаксическую категорию модальности. К этим предложениям, синтаксически нерасчлененным, совершенно неприменима психолингвистическая схема подстановки сочетающихся представлений в роли субъекта и предиката. Поэтому модальные слова-предложения всегда рассматривались как особый тип предложений (а в субъективно-идеалистических психологических теориях — как «эквиваленты предложения»), не имеющих и не способных иметь в своем составе никаких членов предложения — главных или второстепенных. И все же они имеют модальные значения. Предложения этого типа употребляются преимущественно в диалогической речи, в ответных и вопросительных репликах собеседников. Они могут, как отголоски внутреннего диалога, употребляться и в монологической речи, при подтверждении уже высказанного, при возражении самому себе и в других подобных случаях.

Вот несколько иллюстраций: *П о д к о л е с и н* (с самодовольной улыбкой). *А преконфузно однако же должно быть, если откажут. К о ч к а р е в*. *Еще бы!* (Гоголь, *Женитьба*); « — Ну, у тебя грехов немного. — Ах, все-таки, — сказал Левин, — все-таки, — с отвращением читая жизнь мою, и трепещу и проклиная, и горько жалуюсь... » *Да* (Толстой, *Анна Каренина*).

Таким образом, значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности. В этом и состоит различие между словом *зима* со свойственным ему лексическим значением и предложением *Зима* в таком пушкинском стихе: «Зима. Что делать нам в деревне?». На этот характерный признак предложения обращали внимание и многие лингвисты прошлого, хотя и не всегда правильно его истолковывали. Так, Й. Рис в своем сочинении «*Was ist ein Satz?*» писал, что главным признаком, отличающим предложение от словосочетания, является выражение в предложении того, как относится содержание предложения к действительности. «Становящееся соединение, форма образования предложения, происходящее в данный момент (впервые или повторно) соотнесение (*Zuordnung*) оказывается необходимым проявлением свойственных именно ему (предложению) задачи и функции: выработки отношения содержания пред-

ставлений к действительности»²⁰. Если в этом рассуждении отвлечься от субъективно-идеалистического истолкования мыслительной сущности предложения как сочетания представлений, то останется верная мысль о соотносительности содержания высказывания с действительностью как основном признаке предложения. В том же направлении старался найти основные свойства предложения и чешский языковед В. Матезиус. По его словам, предложение — это «элементарное высказывание, в котором говорящий активно и притом таким способом, который с формальной точки зрения вызывает впечатление общности и субъективной полноты (законченности), относится к какому-нибудь факту»²¹.

Общее грамматическое значение отнесенности основного содержания предложения к действительности выражается в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица. Именно они придают предложению значение основного средства общения, превращая строительный материал языка в живую, действительную речь.

В конкретном предложении значения лица, времени, модальности устанавливаются с точки зрения говорящего лица. Но сама эта точка зрения определяется объективным положением говорящего лица в момент речи по отношению к собеседнику и к отражаемому и выражаемому в предложении «отрезку», «кусочку» действительности. Отношения сообщения, содержащегося в предложении, к действительности — это и есть прежде всего модальные отношения. То, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или в настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как недействительное и т. п. Формы грамматического выражения разного рода отношений содержания речи к действительности и составляют синтаксическое существо категории модальности. Категорией модальности определяются различия между разными модальными типами предложения. Кроме форм глагольных наклонений, категория модальности выражается также модальными частицами и словами, а также интонацией. Известно, например, сложное и тонкое разнообразие модальных красок инфинитивных предложений в русском языке. Модальность инфинитивных предложений определяется самой формой инфинитива и интонацией, а усиливается и дифференцируется частицами. Для модальных значений этих предложений характерно и то обстоятельство, что они обозначают действие, которое совершится в будущем или должно совершиться по воле говорящего лица. Например: «С о ф и я. Вот вас бы с тетушкою свести, чтоб всех знакомых перечесть» (Грибоедов, *Горе от ума*); «Одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ее руку» (Лермонтов, *Княжна Мери*); «Не расти траве После осени; Не цвести цветам Зимой по снегу» (Кольцов, *Русская песня*); «Когда же тут хромать? Тут, братец ты мой, уже не до хромоты» (Шолохов, *Тихий Дон*).

В так называемых инфинитивно-назывных предложениях законченность всему предложению сообщает интонация, выражающая субъективно-модальное отношение к действию: «Возможно ли! меня продать! — Меня за поцелуй глупца...» (Лермонтов, *Маскарад*); «С а ш а. Она очень первна стала. К а р е н и. Две ночи не спать, не есть. С а ш а (улыбаясь). Да вы тоже... К а р е н и. Я — другое дело» (Толстой, *Живой труп*).

С категорией модальности тесно связана категория времени. Предложение как форма сообщения о действительности включает в себя синтаксическое значение времени. Это значение создается не только формами

²⁰ J. R i e s, указ. соч., стр. 77.

²¹ V. M a t h e s i u s, *Několik slov o podstatě věty*, «Čeština a obecný jazykozpyt», Praha, 1947, стр. 231.

времен глаголов, кратких прилагательных и категории состояния (с помощью связки), но и глагольными формами наклонения (ср., например, связь форм повелительного наклонения с глагольными формами будущего времени), а также — при известных интонациях — формой инфинитива; в сообщениях же о настоящем или о прошлом, изображаемом как наличное, значение времени выражается также отсутствием морфологической формы с грамматическим значением времени. Синтаксическое значение времени, создаваемое ситуаций и контекстом речи, присуще и таким предложениям, как *Огонь!* [в значении: 1) «стреляй!» 2) «зажги огонь» или «принеси огня!» и 3) «виден огонь!»]; *Брр!* (в значении: «холодно» или «я озяб»); *Пора, пора! Тишина; Минуту внимания!* и т. п. В вопросе-ответных предложениях, составляющих парное единство, значение времени в ответе нередко предопределено предшествующим вопросительным предложением.

Так как предложение как основная форма речевого общения служит одновременно и средством выражения мысли для говорящего лица, и орудием понимания высказанной мысли для лица слушающего, то структура предложения включает в себя и разные способы выражения синтаксической категории лица (если не иметь в виду семантическую, в основном, словообразовательную категорию лица в системе имен существительных, подчиненную категории предметности и противопоставленную категории не-лица). Как известно, в русском языке грамматическая категория лица, связанная с характеристикой отношения речи к говорящему (или говорящим), к собеседнику (или собеседникам) и к тому третьему, о чем может идти речь, выражается главным образом формами местоимений и глагола. В строго определенных типах предложений отношение к лицу может выражаться также посредством особых интонаций (требования, побуждения, просьбы, приказа или упрека, желания и т. п.). Например: «Г р а ж д а н и н. Будь гражданином! Служа искусству, Для блага ближнего живи» (Некрасов, Поэт и гражданин); «Прощай, свободная стихия!» (Пушкин, К морю); «И, полно, что за счеты» (Крылов, Демьянова уха); «Полно врать пустяки» (Пушкин, Капитанская дочка); «А вам, искателям невест, Не нежиться и не зевать бы» (Грибоедов, Горе от ума). Ср. предложения типа: *Спасибо, Вон! Прочь! Долой поджигателей войны! Воды!* и т. п.

Во всяком предложении категория предикативности находит свое полное или частичное выражение. Способы ее выражения, связанные с синтаксическими категориями лица, времени и модальности, бывают морфологическими, конструктивно-синтаксическими и интонационно-синтаксическими. Примеры конструктивно-синтаксических и интонационно-синтаксических способов выражения предикативности приводились выше. Ср. также: *Ну тебя! Покойной ночи! «Огня! кричат... огня!»* (Крылов, Волк на псарне); «*Завтра казнь*» (Пушкин, Полтава); «А г н и я. *Погода-то! Даже удивительно! А мы сидим*» (Островский, Не все коту масленица); «Н е с ч а с т л и в ц е в. *Куда и откуда? Счастливцев. Из Вологды*» (Островский, Лес); «Б а к и н. *Однако, пора и за дело*» (Островский, Таланты и поклонники); «*На полном бегу На бок салазки — и Саша в снегу!*» (Некрасов, Саша); «*Наконец, карета у крыльца. Тетеньки вылезают из нее и кланяются отцу*» (Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина); «*Граждане, за ружья! К оружию, граждане!*» (Маяковский, Революция); «Ю л и я. Куда же это мы идем? Ф е д о р И в а н о в и ч. На плотину... Пойдем погуляем... *Лучшего места во всем уезде нет... Красота!*» (Чехов, Леший); «*Какое надо иметь мужество, чтобы, например, делать операции или резать трупы! Ужасно!*» (Чехов, Именины).

Многообразие форм и способов выражения предикативности, разные виды сочетания и переплетения синтаксических категорий времени и модальности, широкие возможности выражения отношения говорящего лица

к действительности посредством интонаций модальной окраски, осуществляемое посредством тех же интонаций эмоционально-волевое воздействие говорящего на слушателя и эмоционально-волевая реакция его на те или иные факты, явления действительности — все это обнаруживается в разнообразии конкретно-языковых форм (или типов) предложений современного русского языка. Их выделение, разграничение, грамматическая характеристика, выяснение качественных различий между разными типами, изучение взаимодействий отдельных типов, исследование путей развития форм предложения в разговорной и книжно-письменной речи — важные задачи синтаксиса русского языка

III

Сложность и конструктивная спаянность способов взаимодействия интонационных и формально-грамматических признаков в образовании разных типов предложения не позволяет механически противопоставлять предложение как формально-грамматическое единство фразе как интонационно-смысловой единице неопределенного и очень пестрого грамматического состава

Во многих западноевропейских и некоторых наших отечественных синтаксических концепциях основной единицей речевого общения признается не предложение, а фраза, противопоставляемая предложению как расчлененному, грамматически двусоставному предикативному выражению суждения. Фраза в таком понимании — это любая обособленная и более или менее замкнутая по смыслу и интонации единица высказывания. Высказыванием же является и простое утверждение *да*, и замечание — *Прекрасная погода сегодня*, и роман в несколько томов²². Следовательно, высказывание может состоять из одной фразы и из очень большого количества фраз. Фраза как элементарная, более или менее самостоятельная единица высказывания лишена собственно грамматической характеристики.

Итак, под фразой понимается минимальная интонационно-смысловая коммуникативная единица «высказывания», связной речи. Связная речь расчленяется на отрезки различной степени законченности. Единицы этого членения всегда представляют собой величины смысловые и в то же время организованные фонетически. Высшей ступенью этого членения и признается фраза как основная коммуникативная единица языка, смысловая целостность которой выражена ритмо-мелодическими средствами. К фразам относятся и эллиптические высказывания в составе беглой диалогической речи, и сложные предложения, и все типы нерасчлененных эмоционально-волевых изъятий. Из фраз обычно выделяются в качестве предложений лишь те интеллектуальные сообщения, которые подводятся под формально-логическую схему суждения. По определению С. О. Карцевского, одного из представителей так называемой социологической школы Ф. де Соссюра, предложение — это определенная грамматическая структура, которая характеризуется наличием предиката. Предикат же есть «личное определяющее», т. е. такое, в котором указывается отношение к лицу, а «абсолютное определяемое при предикате называется подлежащим (или субъектом)»²³.

²² См. V. Skalická, *Přomluva jako lingvistický pojem*, «Slovo a slovesnost» Praha, 1937, č. 3, стр. 163—166, E. Pauliny, *La phrase et l'énonciation*, «Recueil linguistique de Bratislava», vol. I, Bratislava, 1948, стр. 59—66.

²³ См.: S. Karcevskij, *Sur la parataxe et la syntaxe en russe*, «Cahiers Ferdinand de Saussure», Genève, 1948, стр. 33, С. О. Карцевский *Повторительный курс русского языка*, М.—Л., ГИЗ, 1928, стр. 33—34.

Таким образом, предложениями объявляются только такие словосочетания (или «синтагмы»), в которых имеется предикат или его инфинитивный эквивалент *Парус белеет, Приближается зима; Учиться все-да пригодится, Дом был старый, Он здесь врачом, Гулять было приятно, Дверь оказалась закрытой* и т. п. «Предложение» играет очень важную роль в нашей речи, особенно интеллектуальной. Во многих случаях даже фразы эмоциональной речи представляют собою предложения, видоизмененные под влиянием чувств. Например, фраза *Быть быку на севеочке* синонимична предложению *Будет бычок на веревочке*. Фраза, не членимая на субъект и предикат, распадается на слова, соединенные между собою по законам грамматики и объединяемые общей интонацией.

Так с разными вариациями и в разных вариантах распространяется «теория», согласно которой в синтаксисе должна изучаться, с одной стороны, фраза как категория интонационно-семантическая и, с другой стороны, предложение как единство формально-грамматическое, как «предикативная синтагма», как «предикативное словосочетание». У нас эта точка зрения, правда вполне своеобразно, была представлена в синтаксических работах акад. Л. В. Щербы, проф. А. М. Пешковского и развивается в настоящее время (с некоторыми видоизменениями) в учебных пособиях Л. А. Булаховского.

А. М. Пешковский противопоставлял предложение, как собственно-синтаксическое или формально-грамматическое единство, имеющее форму сказуемости, фразе как единству интонационно-смысловому. По словам этого ученого, «...понятия фразы и предложения . оказываются в довольно сложных и запутанных отношениях друг с другом»²⁴ Так, все так называемые «сложные предложения», по мнению А. М. Пешковского, принадлежат к фразам и должны рассматриваться как «единства ритмо-мелодические». Анализ фраз как синтаксически сложных, цельных грамматических единств выводится за пределы «формальной грамматики». На этой почве возникает механическое переплетение понятий фразы и предложения «Если мы условимся, — писал А. М. Пешковский, — называть всякое ритмо-мелодическое единство, выражающее законченную мысль, „фразой“, причем в это понятие не включим абсолютно никаких собственно-формальных признаков, а с другой стороны, всякое собственно-формальное единство, выражающее законченную мысль, — „предложением“, не включив в него абсолютно никаких ритмо-мелодических признаков, то соотношение между этими двумя понятиями установится чрезвычайно простое и ясное: так называемое „простое предложение“ будет „односоставной фразой“, а так называемое „сложное предложение“ — „двосоставной“ или „многосоставной фразой“, причем под отдельным „составом“ будет разумеаться именно то, что выше названо „предложением“ (термины „односоставный“ и „многосоставный“ приходится употреблять только из-за неуклюжести терминов „однопредложенский“ и „многопредложенский“)²⁵ Таким образом, включение в систему синтаксиса термина «фраза» фактически, кроме путаницы основных понятий и кроме механического рассеяния разных структурных признаков предложений, приводит также к исключению из сферы структурно-грамматического изучения, с одной стороны, внутреннего синтаксического единства сложных предложений, а с другой стороны, всего многообразия типов простых предложений. Ведь то, что выводится за рамки «предложения» и что относится только к «фразе» или «фразам», синтаксисами этого направления обычно рассматривается или с чисто фонетической, интонационно-мелодической, или с своеобразной семантико-психо-

²⁴ А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 411.

²⁵ А. М. Пешковский, Научные достижения русской учебной литературы в области общих вопросов синтаксиса, Прага, 1931, стр. 5—7.

логической точки зрения (особенно, если «фраза» не может быть сведена к «предложению»).

К каким противоречиям и неясностям приводит использование понятия фразы для описания типов предложений в живом славянском языке, можно видеть по «Курсу современного украинского литературного языка». Здесь тоже выступает фраза как самая общая, основная единица языкового общения. Термин «фраза» применяется для обозначения ритмо-мелодического целого, которое любыми синтаксическими способами выражает законченную мысль. «Следовательно, с этой точки зрения, — читаем в «Курсе современного украинского литературного языка», — фразой будет всякое самостоятельное предложение, а также и эквиваленты предложения»²⁶. Эквивалентами предложений тут называются фразы, образованные из слов или словосочетаний, «в которых не выявлены и практические не могут быть выявлены ни подлежащее, ни сказуемое, что не препятствует этим словам или словосочетаниям концентрировать в себе, высказывать содержание целых предложений: *«Спасибі вам за науку»... «Ні»... «Щур їй!»*»²⁷. Под понятие же предложения здесь подводятся лишь такие коммуникативные единицы, в которых словесно выражены «... носитель признака и признак, приписываемый ему во времени и наклонении. Грамматическим выразителем первого чаще всего является именительный падеж имени или какое-либо другое слово (член предложения), которое выступает в функции имени в именительном падеже... Типичным грамматическим выразителем второго является личная форма глагола, как форма, которая обладает четкими признаками времени и наклонения...»²⁸. Таким образом, термин «предложение» здесь применяется лишь к глагольным и глагольно-именным двучленным предложениям. Разного рода именные («номинативные») односоставные предложения относятся к эквивалентам предложений. «Можно сказать, что слово, например, *пожар*, прочитанное в слове, не является предложением, а крик человека, увидевшего огонь: «Пожар!» — является эквивалентом предложения, потому что мы мыслим *пожар* во времени и наклонении, невзирая на отсутствие глагола и трудность его подстановки»²⁹. Впрочем, в «Курсе современного украинского литературного языка», кроме эквивалентов предложения, фигурируют еще «недоразвитые» предложения. Сюда относятся так называемые номинативные предложения, состоящие из именительного бытийного (вроде: *Ночь, Тишина, Море* и т. п.). Такое распыление категории предложения, естественно, приводит к отказу от определения предложения. По словам авторов «Курса современного украинского литературного языка», все многообразие структурных типов речевых высказываний «...подвести под один тип, под одно определение было бы напрасной затеей. Но можно говорить о существовании одного основного типа предложения, который представляется предложением как таковым, и о том, что все другие типы предложений воспринимаются на фоне этого основного типа как разновидности его или как некоторые отклонения от него»³⁰.

Таким образом, введение в область синтаксиса понятия «фраза» чаще всего служит поводом к отказу от собственно синтаксического анализа многочисленных видов речевых высказываний. Это разнообразие форм и типов предложения побуждало некоторых буржуазных языковедов вообще отказываться от их грамматической характеристики. Так, известным

²⁶ «Курс современного украинского литературного языка», т. II, стр. 8.

²⁷ Там же, стр. 73.

²⁸ Там же, стр. 9.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 8.

датский лингвист О. Есперсен утверждал, что «предложение является целиком понятийной категорией (a purely notional category): от слова или группы слов не требуется никакой специальной грамматической формы для того, чтобы их можно было назвать предложением»³¹. А структуралист Ельмслев в своей общей или универсальной грамматике вообще обходится без категории предложения и считает это преимуществом своей «теории»³².

IV

Многообразие типов предложений в русском языке обнаруживается в специфических особенностях их структуры, их состава. В двусоставных или двучленных предложениях легко выделяются соотносительные члены, связанные друг с другом предикативными отношениями. Например: «*Он порча, он чума, он язва здешних мест!*» (Крылов, Кот и Повар): «*Уста жуют*» (Пушкин, Евгений Онегин); «*Артист читал, художники рисовали, виолончелист играл, певец пел...*» (Чехов, Попрыгунья).

Соотносительные члены предложения, связанные предикативными отношениями, — это подлежащее, выраженное формой именительного падежа существительного или местоимения (а также субстантивированным словом), и сказуемое, выраженное личной формой глагола, краткой формой причастия, прилагательного или другими морфологическими средствами.

Члены предложения — это синтаксические категории, возникающие в предложении на основе форм слов и форм словосочетания и отражающие отношения между структурными элементами предложения. Между частями речи и членами предложения есть связь и даже взаимодействие, но нет параллелизма. Синтаксическая сущность слова или неделимого словосочетания как члена предложения определяется той функцией, которую несут они в строе предложения.

В строе предложения одна и та же форма слова, в зависимости от ее отношения к другим словам, может выполнять функции разных членов предложения. Осмыслить целиком эти функции в плане разных типов словосочетания не всегда оказывается возможным. Словосочетания, вступающие в строй предложения, подвергаются здесь преобразованиям. Они группируются около основных конструктивных центров предложения, т. е. вокруг его предикативного ядра. Например, в предложении *Этот человек — с умом* сочетание *с умом* выступает в роли сказуемого. Его синтаксическим эквивалентом является краткая форма прилагательного *умен*. Предикативная функция этого выражения может быть непосредственно выведена из атрибутивной: *человек с умом*. Однако в строе предложения *Человек с умом не пропадет* словосочетание *человек с умом* с семантической точки зрения неразложимо и в целом выполняет функцию подлежащего. Одно слово *человек* в роли подлежащего само по себе слишком абстрактно и неопределенно (ср. *Умный человек не пропадет* и *Человек умный не пропадет*). Но ср. индивидуализацию слова *человек* посредством указательного местоимения *этот* и обособления сочетания *с умом* в предложении: *Этот человек, с умом, с талантом, с большими страстями, прожил яркую, интересную жизнь*. В предложении *С умом задумано, а без ума сделано* сочетание *с умом* служит для характеристики действия и выступает уже не как определение, а как так называемое обстоятельство образа действия при сказуемом. Его синонимическим эквивалентом является

³¹ O. Jespersen, The philosophy of grammar, London, Allen and Unwin; New York, Holt, 1929, стр. 308.

³² См. L. Hjelmslev, Principes de grammaire générale, København, 1928.

нарекание — *умно*. Наконец, в предложении *Сердце с умом не в ладу* (которое является видоизменением известного грибоедовского афоризма «Ум с сердцем не в ладу») *с умом* выступает в роли дополнения, так как оно здесь обозначает соучастника действия, т. е. объект, сопоставляемый с субъектом состояния, с подлежащим *сердце*.

С другой стороны, в разговорно-диалогической речи есть предложения, представляющие собой однословную реплику яркой модальной окраски, экспрессивную оценку сообщения собеседника (например: *Конечно! Еще бы! Как не так! Разве?* и т. п.). Такого рода нерасчлененные экспрессивные однословные предложения, естественно, не обрастают другими словами или членами, так как формы синтаксической связи здесь не имеют для себя даже морфологической опоры. По отношению к таким предложениям вообще неприменимо понятие «члены предложения».

Грамматическое членение двусоставного (двучленного) предложения в русском языке определяется (и даже предопределяется) устойчивостью так называемого номинативного строя предложения в семье индоевропейских языков. Подлежащее имеет вполне определенную и строго стабильную форму выражения: оно может быть выражено именительным падежом существительного и предметно-личного местоимения (или субстантивированным «эквивалентом» имени — словом или целым словосочетанием, например, у Гоголя в «Сорочинской ярмарке»: «Слышал ли ты, что поговаривают в народе? — продолжал *с шишкой на лбу*, наводя на него искоса свои угрюмые очи»), количественно-именным сочетанием, инфинитивом (*Грачи прилетели; Куда ты идешь? Обидеть, обмануть его было бы и грешно, и жалко*).

С формально-грамматической точки зрения «...название предмета в предложении (разумеется, данное в независимой форме, т. е. в именительном падеже. — В. В.) будет всегда грамматическим подлежащим в отношении к сочетавшемуся с ним глаголу или прилагательному»³³. Форма сказуемого (там, где это морфологически возможно) уподобляется форме подлежащего или координируется с ней. Морфологические способы выражения сказуемого в русском языке очень разнообразны. В роли сказуемого могут выступать не только глаголы в личных формах, а также в форме инфинитива, причастия, в единичных случаях — деепричастия, но и прилагательное полное и краткое, местоимение, числительное, существительное в именительном и косвенных падежах с предлогом и без предлога, наречие, междометие. Сказуемое бывает простым и составным или сложным; в роли сказуемого нередко выступают целые фразеологические обороты, устойчивые словосочетания, иногда даже сложные предложения, например, в приписываемом А. П. Чехову афоризме: «Любовь — это когда кажется то, чего нет». (Ср. в повести Ю. Трифонова «Студенты»: «Где-то у старого писателя: „Любовь — это когда хочется то, чего нет и не бывает“». Так было всегда — Монтекки и Капулетти, мадам Бовари, Анна Каренина. Для них любовь была жизнью, а жизнь — мучительством. И трагизм их страданий — в том, что, борясь за свою любовь, они боролись за жизнь. Так было прежде, в глухие времена. „Любовь — когда хочется того, чего нет, но что обязательно будет“»). Несмотря на многообразие форм выражения сказуемого, формально-грамматический механизм его нахождения не очень сложен.

Языковая форма предложения не определяется всецело его грамматическим составом — отношением подлежащего и сказуемого. Фактически предложение существует как определенное единство своего состава, интонации и порядка слов. Воспользуемся простейшим примером для обоснования и развития этой мысли. Предложение *Поезд пришел* таит в себе возможности разных осмыслений, если изменять порядок слов и варьировать

³³ А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 25.

так называемое логическое ударение. Так, *Поезд пришёл* (с ударением на грамматическом сказуемом) — это сообщение о приходе поезда; *Поезд пришёл* (с ударением на подлежащем) — это сообщение о том, что пришел именно поезд. При перестановке слов выступают новые оттенки: *Пришел поезд* (какой-то поезд, о котором не было речи, которого не ждали); *Пришёл поезд* (тот самый, который нужен, которого ждали). (Пример заимствован мною из доклада покойного доцента А. В. Бельского об интонации как средстве детерминирования и предсказания в современном русском языке.) Само собой разумеется, что смысловые возможности данной грамматической конструкции неизмеримо возрастают, если воспользоваться при ее звуковой реализации всем многообразием интонационно-синтаксических ресурсов русского языка.

Разнообразие возможных смысловых применений одного и того же «формально-грамматического предложения», обусловленных порядком слов, ударением и интонацией, у нас еще не было предметом широкого и всестороннего синтаксического исследования. Обычно все эти вопросы относятся к стилистике, которая еще не успела установиться как научная дисциплина. Лишь так называемое логическое ударение и достигаемые его перемещением смысловые эффекты интересовали отдельных наших синтаксистов. Логическое ударение рассматривается некоторыми из них как одно из средств выражения и выделения предиката (сказуемого), как способ разрешения конфликта между экспрессивной задачей сообщения и устоявшимися схемами формально-грамматического предложения.

Сущность логического ударения заключается в подчеркивании того или иного слова или словосочетания в данном предложении. Обычно говорится, что выделенный ударением член предложения становится приписываемым или приписанным остальной части предложения как предикат в логическом или психологическом смысле этого термина (по устаревшей терминологии, «психологическое сказуемое» или «психологический предикат»). Согласно такой точке зрения, чаще всего опирающейся на психологические или логические теории предложения, любое слово предложения (или целое словосочетание — при его интонационном подчеркивании), несущее на себе логическое ударение, может стать предикатом, сказуемым (иногда выражаются осторожнее и точнее: выражением логического предиката). Иными словами, утверждается, что при соответствующем использовании интонационных средств логический (или психологический) предикат может быть выражен любым словом предложения. С этим связывается возможность выражения ряда мыслей, иногда совершенно различных, при посредстве одного и того же лексико-синтаксического состава предложения. При перемещении логического ударения одно и то же «формально-грамматическое предложение» по-разному членится на части, различающиеся между собой по степени важности, «новизны» сообщения: одна из таких частей выражает данное, уже известное содержание мысли, другая высказывает новое, открываемое и сообщаемое в речи. Выделяемая ударением часть предложения становится важнейшим в данной связи и в данной ситуации его членом, словесным выражением логического или психологического предиката («психологическим сказуемым»), а все остальные члены предложения должны выражать по отношению к этому предикату субъект (или подлежащее). С этой точки зрения грамматическое учение о главных и второстепенных членах предложения устанавливает лишь внешнюю, формальную схему строения предложения, так как в одном и том же предложении находят разное выражение субъекты и предикаты разных суждений. Так, например, указывается, что благодаря ударению выражением предиката может стать дополнение с его атрибутами.

Совершенно ясно, что такого рода рассуждения соединяются с опирающимися на те или иные философские предпосылки анализом отношений суждения и предложения. До сих пор эти рассуждения чаще всего приводили к терминологической путанице и к противопоставлению грамматического и логического (а иногда говорят: смыслового) членения предложения. Между тем вопрос о типических способах смыслового использования одного и того же формально-грамматического предложения очень важен для синтаксиса, особенно для синтаксиса стилистического. Изучение типизованных форм применения одной и той же синтаксической схемы предложения для выражения разного содержания — интересная задача стилистики национального языка.

Есть заслуживающие внимания попытки освободить изучение соответствующего круга явлений от голой формально-логической интерпретации. Так, чешский лингвист В. Матезиус³⁴ предлагал различать общее формально-грамматическое, структурное членение предложения и его «актуальное членение», выражающее непосредственным, конкретным смыслом данного предложения в соответствующем контексте или ситуации. Если основными элементами формального членения являются подлежащее и сказуемое (грамматический субъект и грамматический предикат, иногда, как у Шахматова, «группа подлежащего» и «группа сказуемого»), то при актуальном членении следует прежде всего выделять «исходный пункт» (*vychodní věty*) или «основу» (*základ*) высказывания, т. е. то, что в данной ситуации, в данных условиях общения, речи известно или по крайней мере очевидно и из чего говорящий исходит, и «ядро высказывания», т. е. то, что говорящий высказывает в связи с «исходным пунктом» или по отношению к нему. Связи одного и того же по своему формальному строению предложения с конкретной ситуацией и контекстом могут быть очень различными. Следовательно, в зависимости от различия возможных ситуаций и контекста актуальное членение предложения может быть очень разнообразным. Очень часто эти различия в осмыслении одного и того же предложения выражаются в вариациях порядка слов, а соответственно с этим и порядок, в котором следуют друг за другом основа и ядро высказывания. В повествовательном предложении обычен порядок слов, начинающийся с изложения основы (т. е. того, что известно) и направляющийся к ядру высказывания, этот порядок можно назвать объективным. Но когда — вследствие специфической эмоциональной мотивировки (обусловленной взволнованностью, внутренней заинтересованностью говорящего, его желанием подчеркнуть что-нибудь и т. п.) — возникает необходимость грамматически выразить эмоцию, отношение говорящего к предмету сообщения, тогда образуется субъективный порядок слов. В этом случае говорящий начинает с ядра высказывания и только потом добавляет его основу, раскрывая лишь в самом конце речи связь с ситуацией или контекстом. Такой субъективный порядок словорасположения, размещения ядра высказывания и его основы является нормальным в предложениях вопросительных, побудительных и восклицательных. Актуальное членение является основным фактором, определяющим порядок слов в предложении, а также его членение на интонационно-смысловые группы.

³⁴ См. V. Mathesius. O tak zvaném aktuálním členění vět (сб. «Čestina a obecný jazykozpyt», Praha, 1947, стр. 234—242), Rozpor mezi aktuálním členěním souvětí a jeho organickou stavbou (там же, стр. 360—366), Zkladní funkce českého pořádku slov (там же стр. 327—352). Ср. его же, Rec a sloh, сб. «Čtení o jazyce a poezii», sv. I, Praha, 1942, стр. 11—102. См. также статью О. Лешки «К вопросу о структурализме» («Вопросы языкознания», 1953, № 5, стр. 97—98).

Необходимо отметить, что сходные мысли по поводу смыслового членения предложения не раз высказывались и нашими языковедами (например, А. В. Добняшем, акад Л. В. Щербой). Едва ли не последней по времени была попытка К. Г. Крушельницкой рассмотреть смысловое соотношение частей предложения с точки зрения наличия в них «данного» и «нового»³⁵. Согласно этому взгляду, различная смысловая нагрузка членов предложения, выражаемая порядком слов, логическим ударением и т. п., заключается в том, что они обозначают либо нечто данное, известное для слушающего, служа исходным пунктом высказывания, либо же нечто, сообщаемое как новое, основное в высказывании; новое — это то, ради чего и делается сообщение, — его смысл, цель. Состав данного в устной речи определяется ситуацией, в письменной речи — контекстом. Но часто предмет, явление, даже и не будучи упомянутыми в контексте, представляются автору данными — в силу своей связи с другими, уже упомянутыми фактами или в силу своей общеизвестности.

Как данное, так и новое может выражаться различными членами предложения, в распространенных предложениях — целыми группами слов, в сложных — целыми предложениями.

Основным принципом обычного словорасположения в спокойной деловой речи является постановка на первое место члена предложения (или группы их), выражающего данное, а за ним того, что сообщается как новое. Однако в языке сплошь и рядом имеют место отклонения от такого словорасположения, суть которых состоит в том, что новое предшествует данному. Этим достигается более сильное выделение нового, следовательно, большая выразительность речи. Такой порядок слов особенно характерен для эмоционально окрашенной речи, а также применяется как эмфатический прием в стилистических целях. Таким эмфатическим порядком слов может быть не только обратный, но и прямой, если подлежащее выражает не данное, а новое. Ср. *Несчастье случилось у них* и *У них случилось несчастье* и т. п.

Все относящиеся сюда вопросы очень интересны для грамматики. Исследование их несомненно будет содействовать более глубокому пониманию всех экспрессивно-выразительных синтаксических средств русского языка. Роль порядка слов как способа различения грамматических подлежащего и сказуемого или как средства выделения подлежащего выступает лишь в строго определенных типах предложения в предложениях тождества, в предложениях с инфинитивом и предикативным наречием или формой существительного в именительном падеже (например *Мечта моего сына — стать художником* *Стать художником — его затаенная мечта*) и некоторых других.

Подлежащее и сказуемое как главные члены предложения противопоставляются второстепенным определению, дополнению и обстоятельству. Это противопоставление иногда принимает довольно своеобразный характер. Так, при логической интерпретации предложения у некоторых синтаксистов возникает мысль, что второстепенные члены предложения нельзя сопоставлять с главными, так как они выделяются не в результате членения предложения, а в результате членения частей предложения, а именно «группы подлежащего» и «группы сказуемого», соответствующих субъекту и предикату высказывания (например *Побелевшие от иней деревья* / *стояли по обеим сторонам дороги*). Отсюда поспешно делается вывод, что деление самого предложения на главные и второстепенные

³⁵ См. кандидатскую диссертацию К. Г. Крушельницкой, а также ее статью «Смысловая функция порядка слов в немецком языке (сравнительно с русским)» («Ученые записки Военного ин-та иностр. языков», 5, 1948, стр. 21—36).

члены неправомерно, что предложение как таковое не имеет второстепенных членов, что второстепенные члены образуются лишь при расчленении основных частей предложения — группы подлежащего и группы сказуемого.

Оторванность этой точки зрения от живого разнообразия конкретно-языковых синтаксических явлений состоит, между прочим, в том, что она не учитывает широкого использования второстепенных членов предложения в обособленном употреблении, т. е. именно в тех случаях, когда их нельзя включить ни в группу подлежащего, ни в группу сказуемого. Например: «Народ, с Петей в середине, бросился к балкону» (Л. Толстой, *Война и мир*). Для понимания соотношения между главными и второстепенными членами предложения процессы обособления второстепенных членов посредством пауз, характерной интонации и более сильного ударения очень показательны. Обособление придает второстепенному члену относительно самостоятельное положение в предложении. Некоторые грамматисты видят в этом признак так называемой полупредикативности обособленных членов предложения и доказательство близости их к «придаточным предложениям».

Обособляются чаще всего те второстепенные члены предложения, которые не могут быть связаны или намеренно не связываются с соседними словами, нагружены зависимыми от них пояснительными словами, значительно отдалены от слов, ими определяемых, или относятся к числу так называемых слабоуправляемых членов.

Обособленные члены и обособленные конструкции представляют собой своеобразные смысловые синтаксические единства внутри предложения, выделяемые средствами инверсии и интонации, — с целью придать более сильную выразительность содержащемуся в них понятию, образу, характеристике. Обособленные члены предложения обычно наполнены живой экспрессией, подчеркиваются логически или эмоционально; но от этого они не перестают быть второстепенными членами в грамматическом смысле. Хотя обособленный член предложения интонационно ставится в своеобразные синтаксические отношения к остальной — и вместе с тем основной — части предложения, хотя он приобретает относительно больший синтаксический вес по сравнению с соответствующим членом предложения, не подвергшимся обособлению, но он не перестает быть в структуре целого предложения вторичным и второстепенным его членом, синтаксически связанным с его основным предикативным ядром.

В то же время такие второстепенные члены предложения, как обстоятельства времени, пространства, причины, цели, уступки и условия, могут непосредственно относиться ко всей остальной части предложения в целом, следовательно, не связываются непосредственно ни с группой подлежащего, ни с группой сказуемого. Например: «Кругом молчанье и покой» (Лермонтов, *Беглец*); «*Уже поздно ночью* они вместе вышли на улицу» (Л. Толстой, *Война и мир*); «*Тут* она заплакала и ушла от меня» (Пушкин, *Капитанская дочка*); «*Несмотря на наклю*, вода скоро появилась у нас под ногами» (Тургенев, *Льгов*) и т. п.

Во второстепенных членах предложения как бы синтезируются, обобщаются по функции те разнообразные грамматические отношения, которые обнаруживаются между словами в строе словосочетания. В структуре предложения словосочетания соединяются и выстраиваются в строго определенной иерархической перспективе. Служа для пояснения главных членов предложения — подлежащего и сказуемого, второстепенные члены могут в свою очередь определяться и дополняться поясняющими их самих второстепенными членами. Например: «Сквозь волнистые туманы Пробирается луна, На печальные поляны Льет печально свет она» (Пушкин,

Зимняя дорога); «В томленьях грусти безнадежной, В тревогах шумной суеты Звучал мне долго голос нежный, И снились милые черты» (Пушкин, К Керн); «Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал Жужжанью дальному упрёков и похвал» (Пушкин, Желание славы).

Наиболее глубоко и всесторонне развиваются процессы обобщения в системе определительных или атрибутивных конструкций. Поэтому подведение всего многообразия связей этого типа под категорию «определения» меньше всего вызывает затруднений и даже возражений. Правда, и тут не всегда грани между определением и дополнением, а также обстоятельством бывают ясными и точно очерченными. Ср. разную роль в предложении второго члена таких, например, словосочетаний: *полотенце для рук* (ср. *ручное полотенце*), *таз для умыванья*, *кольцо для штор*, *ножик для разрезания бумаг*, *стакан для лекарства*, *ключ от комода*, *лекарство от головной боли*, *яблоня в цвету*, *певца с хорошим голосом* и т. п.

Вместе с тем в строе распространенного предложения даже качественные определения, выраженные прилагательными, могут приобретать обстоятельственный оттенок. Так, нередко отмечаются оттенки обстоятельного значения в определительных словах, примыкающих в составе предложения к личной форме глагола. Совершенно ясно, что в этом случае в термин «обстоятельное определение» вкладывается совсем другое значение по сравнению с обстоятельно-определительными словами в словосочетаниях типа: *домик в саду*, *беседка у реки*, *крестьянин от сохи* и т. п.; «обстоятельный» понимается как синонимичный или соотносительный по функции, а отчасти и по характеру синтаксической связи с так называемыми обстоятельствами, зависящими от глагола. Такого рода обстоятельное определение по смыслу связывается со сказуемым и в силу этого обозначает признак с оттенком образа действия, с оттенком причинным, условным, уступительным, а иногда даже не столько признак предмета, сколько его состояние, которым сопровождается действие. Обстоятельное определение в известной степени эквивалентно деепричастному обороту при глаголе. Например: «*Довольный праздничным обедом*, Сосед сонит перед соседом» (Пушкин, Евгений Онегин); ср.: «...ласково переругиваясь, веселые, с улыбками на потных лицах, мужики подходили к нему и тесно окружали его» (Горький, Фома Гордеев).

И все же синтаксические признаки второстепенных членов предложения складываются и развиваются на базе твердо установившихся морфологических категорий и их функционально-синтаксического усложнения в системе разных типов словосочетаний. Именно так установилась категория определения, морфологическим ядром которой явились качественные и относительные прилагательные. Не менее определены морфологические основы категории дополнения: формы и функции косвенных падежей имен существительных и местоимений в тех случаях, когда предметное значение имени не поглощается оттенками определительного и обстоятельного характера и не растворяется в них. Морфологическую базу синтаксической категории обстоятельства составляют наречия и функционально близкие к ним формы косвенных падежей существительных (обычно с предлогом), когда в них закрепляются значения обстоятельных отношений. Но функционально-синтаксические оттенки, облекающие морфологическое ядро категорий определения, дополнения и особенно обстоятельства, оказываются настолько сложными, а иногда и недифференцированными и внутренне противоречивыми, что они очень часто выходят за рамки этих категорий (ср., например, функции так называемого «объектного» инфинитива: *рассчитывал сегодня закончить ра-*

боту; отradio вспомнить и т. д.) или создают ряд переходных, смешанных типов.

Таким образом, при зыбкости трех категорий второстепенных членов предложения — определения, дополнения и обстоятельства — очень важны наблюдения над случаями переходными и «синкретическими» (т. е. совмещающими значения разных членов предложения). Особенно много таких случаев в кругу обстоятельств. А. А. Шахматов недаром различал в кругу обстоятельств обстоятельство определяющее, обстоятельство дополняющее и обстоятельство сопутствующее. Но не подлежит сомнению, что и в сфере тех дополнений, которые А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе русского языка» называл релятивными, современная школьная практика многие отнесла бы к обстоятельствам (а иногда и к определениям). Например: «У нас есть общество, и тайные собрания *По четвергам*» (Грибоедов, Горе от ума); ср.: «И жену он сыскал *по себе*» (Тургенев, Одиндворец Овсянников); «Соседушка, я сыт *по горло*» (Крылов, Демьянова уха); «Кутузов был доволен успехом дня *сверх ожидания*» (Л. Толстой, Война и мир); «Старый ты человек, а глуп, прямо сказать, *до святости*» (Андреев, Жили-были); «Коляска помчалась *во все ноги лошадей*» (Л. Толстой, Война и мир)³⁶.

Вообще признаки, которые кладутся в основу категории обстоятельства, двойственны: с одной стороны, сюда относятся наречия и слова наречного типа, выражающие отношения, а с другой стороны, сюда же включаются формы косвенных падежей имен существительных из определенных семантических разрядов, чаще всего в сочетании с предлогами (или в творительном, а также в винительном падеже без предлогов), если они несут обстоятельную функцию (т. е. могут быть ответом на вопросы обстоятельств: где, когда, куда, зачем и т. п.). Ср. «Стоял богиния храм *меж множества толпою*» (Богданович, Душенька); «Но часто похвалы Бывают *меж людей* опаснее хулы» (там же); «Сидит невеста *меж подруг*» (Лермонтов, Демон); «В родине моей *Между пустынных рыбаей* Наука дивная таятся» (Пушкин, Руслан и Людмила); «Ты шагом едешь *меж полей*» (там же).

Несомненно, что эти одинаковые и однотипные конструкции с предлогами *меж*, *между* и формой родительного падежа выступают в качестве разных членов предложения (обстоятельств и дополнений) только в зависимости от лексических значений соответствующих слов. Следовательно, выделение трех второстепенных «членов предложения» и распределение по их рубрикам всего многообразия живых синтаксических связей слов в составе предложения связано с искусственной схематизацией структуры предложения и далеко не всегда основано на собственно грамматических принципах.

Таким образом, традиционное учение о второстепенных членах предложения нуждается в коренном пересмотре. Этот пересмотр требует углубленного изучения всех видов синтаксических связей между словами как в формах словосочетаний, так и в структуре предложений. Дело в том, что в строе предложения синтаксические связи между словами, характерные для основных типов словосочетаний, расширяются и пополняются иными видами и типами связей. Особенно многообразны связи, возникающие и развивающиеся при предикативных отношениях. Поэтому общепризнано, что правила образования словосочетаний не охватывают всей грамматической схемы предложения и всех возможных ее осложнений. В числе правил, по которым составляются предложения, рядом с правилами образования словосочетаний находятся правила об отношениях

³⁶ См. А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 358—392.

членов предложения, правила о построении сложных или составных членов предложения, правила об осложнении предложения обособленными членами, вводными, модальными словами и частицами и т. п.

В речевой общественной практике разговорного обмена мыслями, в связи с конкретной ситуацией, при наличии мимики и жестов как вспомогательных выразительных средств, при большой экспрессивной силе интонаций формируются такие структурные типы предложений, в которых отсутствует словесное выражение каких-нибудь отдельных членов, ясных из контекста и ситуации. Например: «Нет ни одной души в прихожей. *Он вза-лу; дальше: никого*» (Пушкин, Евгений Онегин); «О с и п. *Куда тут?* Мишка. *Сюда, дядюшка, сюда*» (Гоголь, Ревизор); «Х л е с т а к о в. *Как, только два блюда?* С л у г а. *Только-с*» (там же); «А вы на каком *факультете?* — спросила она у студента. — *На медицинском*» (Чехов, Именины); «— *Горячей воды!* — говорит он ей на ходу. — *И чистый халат*, а этот сегодня же выстираете» (Панова, Спутники).

Такие предложения, в словесной ткани которых «не хватает» одного или нескольких членов, обычно называются неполными. Однако чаще всего такие предложения не могут быть грамматически пополнены без нарушения синтаксических норм современного русского языка³⁷. Это — своеобразные типизированные формы предложений разговорной речи, их особые структурные типы, которые вовсе не представляют собой нарушения норм «полных» предложений, требуемых абстрактно представляемой грамматической схемой. Эти живые структурные типы предложений разговорной, по преимуществу диалогической речи, следует изучать не с точки зрения их предполагаемой формальной недостаточности или неполноты, а со стороны их собственных, специфических для них структурных свойств и функций. При таком анализе, при учете всех средств выражения, ситуации и контекста, при учете структурно-грамматических особенностей так называемых неполных предложений, почти каждое из них окажется «полным», т. е. адекватным своему назначению и соответствующим образом выполняющим свою коммуникативную функцию.

Изучение этих форм предложений помогает еще лучше понять качественные отличия предложений от словосочетаний и содействует более глубокому и всестороннему пониманию вопроса о членах предложения и о их структурной роли. Необходимы углубленные исследования структуры простого предложения, синтаксических соотношений и взаимоотношений между членами предложения, посвященные детальному расчленению и грамматической характеристике тех форм синтаксической связи, которые подводятся под категории определения, дополнения и обстоятельства, а также описанию переходных или «синкретических» случаев. Этим будет подготовлена научная база для углубленного, всестороннего решения вопроса о членах предложения в современном русском языке³⁸.

³⁷ См. И. А. Попова, *Неполные предложения в современном русском языке*, «Труды Ин-та языкознания», т. II, М., 1953, стр. 3—136.

³⁸ Синтаксис простого предложения тесно связан с изучением форм и типов словосочетаний, присущих данному языку. Общие принципы теории словосочетаний на материале русского языка изложены мною в статье «Вопросы изучения словосочетаний», которая печатается в сб. «Материалы Всесоюзного совещания по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии».